

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА САВЧЕНКО

аспирант кафедры истории России
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Российская Федерация)
nasty.a.pecherskaya.88@mail.ru

МЕСТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

А н н о т а ц и я . Рассматривается система мест принудительного содержания, а также ее роль в созданном нацистами режиме на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 годах. На основе использования широкого круга источников показано, что эта тема до сих пор не являлась предметом серьезного научного исследования. Установлено, что система мест принудительного содержания на территории Крыма включала в себя около 100 различных институций, среди которых можно выделить пять основных типов: лагеря военнопленных, тюрьмы и концлагеря полицейского аппарата, сборные пункты для еврейского и цыганского населения, трудовые лагеря и пересыльные лагеря для гражданского населения. Выявлено, что наиболее многочисленным типом являлись лагеря военнопленных. В них, а также в тюрьмах и концлагерях полицейского аппарата оккупанты уничтожили подавляющее большинство жертв нацистской репрессивной политики на территории Крыма. В большинстве мест принудительного содержания был установлен очень жесткий режим, который фактически делал их «лагерями смерти» (например, концлагерь в совхозе «Красный»). В результате проведенного исследования установлено, что нацистская система мест принудительного содержания выполняла в Крыму двоякую функцию: эксплуатации советского населения и военнопленных и их уничтожения в рамках колониальной политики нацистской Германии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Крым, нацистская оккупация, места принудительного содержания, геноцид, военнопленные, Холокост, оstarбайтеры

Д л я ц и т и р о в а н и я : Савченко А. С. Места принудительного содержания на территории Крыма в период нацистской оккупации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 79–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1113

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших черт нацистской репрессивной политики являлось создание и функционирование так называемых мест принудительного содержания (концлагеря, лагеря военнопленных, тюрьмы и т. п.), где масштабы совершенных преступлений настолько колоссальны, что тяжело воспринимаются даже сейчас. После оккупации значительных территорий Советского Союза нацистами были созданы тысячи различных мест принудительного содержания, которые отличались по типологии, но были практически идентичны по способам и методам уничтожения узников: от подавления духа и достоинства человека – к его умерщвлению. Не был исключением и Крымский полуостров, где за годы оккупации нацисты создали широкую систему мест принудительного содержания.

Следует отметить, что в советской историографии эта тема фактически не была предметом

серьезного научного исследования. По понятным причинам основное внимание уделялось вопросам истории партизанско-подпольного движения, боевым действиям на фронтах, героизму бойцов и командиров и самоотверженности тружеников тыла. Проблема же репрессивной политики оккупантов, в частности по отношению к гражданскому населению и советским военнопленным, не была в фокусе внимания по двум причинам. Во-первых, большинство архивных источников, свидетельствующих о нацистских преступлениях, находились в архивах под грифом «Секретно», соответственно, изучение их попросту не представлялось возможным. Во-вторых, с политической точки зрения исследования по данной тематике могли нарушить гражданский мир в стране, обострить межнациональные проблемы и т. п. В целом в научном изучении этой проблемы советский период оказался малопродуктивным. Некоторые сюже-

ты репрессивной политики оккупантов, причем весьма скудные, можно было почерпнуть из обобщающих работ исследователей, где речь шла об установлении «нового порядка» на оккупированных территориях или о создании и функционировании мест принудительного содержания, где последний аспект, например, был отражен малосодержательно (см. [2]).

В современных условиях задачи сохранения исторической памяти и недопущения переписывания истории Великой Отечественной войны стали толчком к глубокому и всестороннему анализу репрессивной политики оккупантов и всех ее составляющих. Актуализировалось расследование преступлений нацизма, где исключительно важную роль играет осуществляемый в настоящее время Федеральный проект «Без срока давности», в ходе реализации которого идет процесс рассекречивания архивных документов, которые свидетельствуют о нацистских преступлениях на оккупированных советских территориях¹. Историкам представляется уникальная возможность исследовать новые источники, анализ которых крайне необходим для воссоздания полной картины нацистского оккупационного режима и его преступлений, которые не имеют срока давности. Анализ работ, изучающих оккупационный режим в Крыму, позволяет выделить ряд исследований современных российских историков, в которых раскрываются сущность, содержание, инструменты и методы проведения нацистской репрессивной политики на полуострове, направленной на массовое уничтожение и истребление советского гражданского населения и военнопленных. Так, можно отметить исследования С. В. Аристова, В. А. Константинова, М. Б. Кизилова, В. В. Бобкова, О. В. Романько, С. Н. Ткаченко и И. Н. Верешкова [1], [5], [6], [7], [8], [12], [13], [15], [16], [18]. В целом, анализируя состояние историографии исследуемой темы, можно сделать вывод, что во многих аспектах данной проблемы еще предстоит разобраться, так как в существующих научных изысканиях эта картина представлена недостаточно полно.

Таким образом, целью данной статьи является анализ системы мест принудительного содержания для советского гражданского населения и военнопленных, созданных и функционировавших на территории Крыма в период нацистской оккупации, а также условия пребывания в нацистских лагерях как отдельный аспект в изучении целенаправленной политики геноцида по отношению к народам СССР.

* * *

Места принудительного содержания являлись важнейшим инструментом репрессивной

политики нацистов на оккупированных территориях. На Крымском полуострове их число было довольно значительным – около ста различных институций. Типология мест принудительного содержания выглядела следующим образом: лагеря военнопленных, концлагеря и тюрьмы для гражданского населения, сборные пункты (для евреев, крымчаков и цыган), трудовые лагеря и лагеря оstarбайтеров.

Нацистская оккупация Крыма начинается с ноября 1941 года. По мере продвижения 11-й полевой армии Э. фон Манштейна потребность в местах содержания оборонявших Перекоп пленными красноармейцев приняла исключительный характер. Первыми (с начала ноября) создаются лагеря для советских военнопленных. В Крыму они подразделялись на дулаги (от нем. Durchgangslager) – пересыльно-сортировочные (транзитные) лагеря, шталагы (от нем. Stammanschaftslager) – стационарные для рядового и сержантского состава и так называемые лагеря-госпитали (лазареты) для военнопленных. Все они находились в подчинении командования вермахта в Крыму, в отличие от концлагерей и тюрем для гражданского населения, которые подчинялись полицейской администрации и начали создаваться практически одновременно [1: 109].

Наиболее многочисленные – дулаги – были транзитными лагерями, здесь происходила «сортировка» пленных с целью выявления особо важных лиц (командиров и др.), чьи показания могли быть полезными. Разумеется, такие офицеры подвергались тщательным допросам и жесточайшим пыткам. Однако дулаг не являлся первоначальным местом сортировки пленных на офицерский и рядовой состав. Изначально эта процедура проходила на самом месте пленения (на поле боя), где разоружали и отправляли на сборный пункт для первоначальной сортировки. После этой процедуры группу пленных направляли в дулаг. Основной задачей дулагов являлась разгрузка фронта от военнопленных и перевод их в тыловые районы для использования в качестве рабочей силы. В большинстве же случаев местом их последующего пребывания становились лагеря для военнопленных как на оккупированных нацистами территориях, так и на территории самой Германии, однако отмечались и случаи долговременного пребывания военнопленных в дулаге.

Дислокация лагерей военнопленных в оперативных районах изменялась по мере продвижения фронта на юг. Обычно местом расположения дулагов становились близлежащие от железнодорожных узлов территории, это было удобно для их дальнейшей транспортировки. В основном такие лагеря ограждались забором из колю-

чей проволоки высотой до трех метров с караульными вышками и будкой для лагерной охраны. Структура подобных лагерей представляется крайне нечеткой, однако из показаний свидетелей известно, что в лагере был комендант, но зачастую имени его никто не помнил. Контроль над соблюдением строгого порядка несла лагерная охрана, которая была вооружена. При некоторых лагерях были лазареты, однако больных там не лечили. Так, согласно архивным источникам, в лазаретах при Дулаге 241 и на территории 1-й Советской больницы (ныне больница им. Н. А. Семашко) в Симферополе немецкими врачами производились опыты над живыми советскими военнопленными².

Лагерь для советских военнопленных являлся частью нацистской репрессивной системы. Однако их узники – это несколько другая категория жертв, чем гражданское население. Здесь применялись довольно жестокие, даже по нацистским стандартам, условия пребывания и меры наказания, так как именно среди бывших военнослужащих могли возникнуть очаги сопротивления, что нередко приводило к бегству или восстанию узников. Для оккупантов было очень важно подавить подобные стремления.

Условия содержания советских военнопленных в лагерях впечатляют своей бесчеловечностью. В большинстве случаев проживали они прямо под открытым небом или в сырых, холодных помещениях. Зачастую это были бывшие склады или подвалы, которые ранее служили хранилищем для какого-либо инвентаря, оборудования или сельскохозяйственной продукции. Разумеется, никакие санитарные нормы здесь не соблюдались, а условия пребывания раненых и обессиленных красноармейцев намеренно ужесточались. Над военнопленными издевались, они подвергались регулярным побоям, их морили голодом. Кормили в лучшем случае один раз в день, гоняли на тяжелые и изнурительные работы, а тех, кто от истощения падал, расстреливали на месте. Свидетели Н. К. Исаева и Д. Д. Харченко так рассказывали об условиях содержания военнопленных в Дулаге 241:

«Военнопленных заставляли работать на разных тяжелых работах по благоустройству города, причем впрягали в подводы, как лошадей. Кормить этих военнопленных почти не кормили, а давали питание, но его нельзя было назвать питанием. В лагере давали отруби, разбавленные водой <...>»³.

Изнурительный режим содержания в условиях полной антисанитарии и заболеваний кишечными инфекциями, чрезмерного трудоиспользова-

ния военнопленных приводил к беспрецедентной смертности.

Всего на территории Крыма в годы нацистской оккупации было создано более 50 лагерей военнопленных и пять лазаретов, которые располагались по всей территории полуострова и являлись местами физического уничтожения людей [11: 81–123]. Наиболее густая их сеть была сосредоточена на территории Севастополя, Симферополя, Керчи и Феодосии, где из наиболее крупных можно выделить следующие.

По городу Симферополю:

Дулаг 241 (постоянный лагерь на территории бывшего овощехранилища «Картофельный городок») [14: 96]. Лагерь для военнопленных располагался по ул. Ж. Жигалиной, 11–15 (современная нумерация – 17), действовал в течение всего периода нацистской оккупации Крыма и был самым крупным по численности военнопленных⁴. Архивные источники свидетельствуют, что через него прошло до 140 тыс. красноармейцев⁵. Одновременно в лагере могло находиться до 6 тыс. человек, а ежедневно умирало около 50. Согласно сведениям советских комиссий, в течение ноября 1941 – начала 1942 года в концлагере мучительной смертью от голода, тифа и побоев погибло до 6 тыс. советских военнопленных⁶.

Пересыльный лагерь для военнопленных по ул. Гоголя, который располагался в смежном квартале с лагерем Дулаг 241 по ул. Ж. Жигалиной, 1–7 до пересечения с ул. Гоголя, 100. В лагере одновременно содержалось до 3,5 тыс. человек, поступающих в основном из «Картофельного городка» с целью дальнейшей отправки в лагерь на территории Украины и Германии⁷.

Пересыльный лагерь в помещениях бывшей тюрьмы по ул. Дзюбанова, 2–4 в Железнодорожном районе в 500 м от железнодорожной станции. В первые дни оккупации в лагерь прибыло до 3 тыс. военнопленных, в целом же порядок его функционирования был полностью идентичен с лагерем по ул. Гоголя⁸.

Всего в Симферополе функционировало семь лагерей для военнопленных.

По городу Севастополю:

Постоянный лагерь Шталаг 370, который находился весь период оккупации на юго-западной окраине Севастополя, на пустыре горы Рудольфа (в послевоенное время – гора Матюшенко). Начиная с лета 1942 года в лагере постоянно содержались несколько тысяч военнопленных, которые жили прямо под открытым небом. Пленников не кормили по несколько дней, поэтому в сутки умирало до 50 человек. Узники исполь-

зовались для разминирования, и ежедневно около 30 человек становились жертвами этой процедуры⁹.

Лагерь на Корабельной стороне г. Севастополя, который располагался в полуразрушенных помещениях полуэкипажа (учебного отряда) Черноморского флота. В лагере постоянно находилось до 1 тыс. советских военнопленных, от полного истощения ежедневно умирали по 20–30 человек. Известно, что в этом лагере умерло свыше 2 тыс. узников¹⁰.

Лазарет для больных и раненых советских военнопленных в бывшей тюрьме г. Севастополя. Существовал с 1 июля 1942 года по февраль 1943 года. За это время в лагере умерло свыше 2 тыс. человек¹¹.

Всего в Севастополе функционировало семь лагерей для военнопленных.

По городу Феодосии:

Лагерь на северной окраине города на пустыре действовал с лета 1942 года. Содержалось в нем не менее 10 тыс. советских военнопленных, поступающих с Керченского полуострова¹².

Лагерь на территории бывшего военного городка. Он занимал участок местности, ограниченный улицами Военной, Бульварной, Р. Люксембург и пер. Циолковского. Количество военнопленных в лагере постоянно превышало 1 тыс. человек¹³.

Всего в Феодосии функционировало четыре лагеря для военнопленных.

По городу Керчи:

Лагерь военнопленных в районе Бочарного завода функционировал с 1942 года. За весь период существования здесь было расстреляно, замучено и сожжено до 15 тыс. советских военнопленных [11: 105–106].

Всего на территории г. Керчи функционировало семь лагерей для военнопленных.

Последним по времени создания в списке крупнейших лагерей военнопленных являлся *Дулаг «Толле» близ города Бахчисарай*. Лагерь был расположен на территории площадью 20 гектаров, где одновременно с июля по сентябрь 1942 года содержались более 40 тыс. плененных красноармейцев и местных жителей Севастополя. Согласно архивным источникам, через этот лагерь прошло примерно 80 тыс. человек, из них расстреляно и замучено около 5,5 тыс.¹⁴

Такие же лагеря военнопленных, но более мелкие функционировали на территории Джанкоя, Евпатории, Ялты, а также населенных пунктов Ленинского, Красногвардейского, Краснопереконского, Советского и Кировского районов.

Одновременно с созданием лагерей советских военнопленных в ходе процесса установления так называемого «нового порядка», для умиротворения, запугивания и наказания местного населения, а также уничтожения элементов, оказывающих сопротивление нацистам (партизаны, подпольщики, коммунисты), создаются тюрьмы и концлагеря для гражданского населения. На территории Крыма за весь период оккупации существовало более 20 таких лагерей и приблизительно столько же тюрем.

Концлагеря для гражданского населения отличались от лагерей для военнопленных исключительно типом жертв – это было мирное население, которое так же подвергалось пыткам, издевательствам, побоям, расстрелам и угону на территорию Германии. Узниками таких лагерей становились зачастую участники и подозреваемые в организации антифашистского сопротивления (так называемые идеологические враги), люди, находившиеся под следствием и потенциально нелояльные «новому порядку». Определенное количество лагерей создавалось с целью концентрации местного населения перед принудительной отправкой в Германию, они назывались пересыльными лагерями для гражданского населения. Они действовали в Феодосии, Евпатории, Симферополе, Севастополе, поселках Щёлкино и Октябрьское, на станции Семь Колодезей. Безусловно, одновременно функционировали и лагеря, где мирные граждане пребывали постоянно и использовались на тяжелых физических работах. Это лагеря в Симферополе, Саки, Евпатории, Бахчисарае, деревне Баксы (Глазовка) и поселке Багерovo¹⁵.

Крупнейшим в Крыму по количеству узников и масштабам их уничтожения был *концлагерь*, созданный летом 1942 года *на территории бывшей птицефермы совхоза «Красный»*, который функционировал до конца оккупации и стал местом массового уничтожения гражданского населения. Как показывал свидетель А. П. Черный, рабочий совхоза «Красный»: «Ни один, попавший сюда, не уходил живым»¹⁶. Количество заключенных постоянно колебалось. Обычно пригонялись группы от 400 до 2 тыс. человек, которые уничтожались, после чего поступали новые партии¹⁷. В результате искусственно созданных невыносимо тяжелых условий (голод, отсутствие медицинской помощи, жестокие избиения и истязания) в этом лагере ежедневно умирали сотни советских граждан. Их тела не предавали земле, а обливали зажигательной смесью и сжигали на костре-крематории прямо под открытым небом, о чем свидетельствуют много-

численные архивные источники¹⁸. Только 27 октября – 2 ноября 1943 года в концлагере оккупанты уничтожили около 3 тыс. человек, а трупы расстрелянных сожгли. Это было первое массовое уничтожение узников. В ночь с 10 на 11 апреля 1944 года, при отходе немцев из города, была осуществлена полная ликвидация заключенных: уничтожено более 2 тыс. человек. Поодиночке и мелкими группами их расстреливали, сжигали, живыми сбрасывали в колодец¹⁹. Когда закончилась последняя страшная ночь существования лагеря и он остался без охраны, выжившие заключенные (около 100 человек) свободно ушли. Всего за весь период существования концлагеря «Красный» нацисты уничтожили здесь свыше 15 тыс. узников, однако в связи с активизацией в настоящее время процесса рассекречивания архивных документов число жертв данного места репрессивной политики оккупантов неуклонно увеличивается [8: 383].

К одному из крупных мест принудительного содержания также следует отнести *концлагерь в районе Бахчисарая*, который располагался на северо-западной окраине дер. Эски-Юрт на территории бывшего скотного двора. Здесь содержались жители Бахчисарайского и Куйбышевского районов, и они также подверглись полному уничтожению при отходе немцев к Севастополю [4: 12–13].

Особой жестокостью известен *концлагерь для гражданского населения в дер. Баксы* (Глазовка), в котором содержалось более 300 женщин. Узницы, в отношении которых практиковались пытки и издевательства, были согнаны из Крыма, Кубани и Украины. Женщин принуждали к тяжелым физическим работам и физическому насилию, что привело к высокой смертности среди заключенных.

Что касается трудовых лагерей для гражданского населения, то они функционировали несколько по-иному. Здесь происходила сортировка заключенных и отбор трудоспособных для отправки на принудительные работы в Германию. Всего на территории Крыма существовало два лагеря подобного назначения и девять сборных пунктов:

Лагерь в Симферополе, который находился в районе железнодорожного вокзала станции «Симферополь». Известно, что с мая 1942 по апрель 1944 года из него было отправлено в Германию более 40 тыс. человек.

Лагерь для гражданского населения в Севастополе (Константиновский рavelин) – еще одно крупное место концентрации и содержания гражданских лиц перед отправкой в Германию. Из-

вестно, что существовал он с 1942 по апрель 1944 года и одновременно в нем содержалось более 3 тыс. заключенных. На протяжении всего периода из лагеря производилась отправка оstarбайтеров.

Сборные пункты оstarбайтеров также находились в Севастополе, Симферополе, Черноморском, Феодосии, Ялте, Евпатории, Саках и поселке Октябрьское²⁰. Всего же за период с 1941 по апрель 1944 год с территории Крыма на принудительные работы в Германию было вывезено более 85 тыс. человек²¹.

Наряду с концлагерями местом заключения гражданского населения являлись тюрьмы как временного содержания (в течение следствия), так и длительного пребывания заключенных, где зачастую следующим пунктом становился концлагерь «Красный» или места массовых казней. Специальные органы (полиция безопасности и СД, охранная полиция и жандармерия), которые уже начали обустраиваться и функционировать с первых дней оккупации полуострова, систематически проводили облавы и обыски с целью выявления «подозрительных элементов», которые приводили к тюремному заключению. Как уже отмечалось выше, нацистами в годы оккупации было создано около 20 различных тюрем, где гражданские лица подвергались допросам и пыткам, унижению и издевательствам²².

Тюрьмы находились практически во всех крупных городах и районах Крыма. Из них наиболее значительными были следующие.

Тюрьма в Симферополе на улице Студенческой, 12 в здании бывшего педагогического института, где располагался карательный орган оккупационных властей – зондеркоманда 10-а полиции безопасности и СД. Тюрьма являлась центральным местом заключения, куда поступали арестованные граждане со всего Крымского полуострова, прежде всего партизаны и подпольщики. Об условиях пребывания в застенках главной тюрьмы свидетель Т. М. Трофименко, побывав там в качестве подозреваемой в участии в молодежной подпольной организации, рассказывала следующее:

«<...> Вместе со мной в 20-й камере содержалось около 25 женщин, арестованных немцами. Многих из этих женщин брали на допрос и по возвращении в камеру они были неузнаваемы от пыток и побоев. Их били во время допроса резиновыми плетками с металлическими наконечниками. Потом уводили их в камеры, о дальнейшей судьбе которых ничего не известно. Находясь в камере, я наблюдала в окно через решетку, как расправлялись немцы с арестованными, когда вели их с допроса в камеру, били их са-

погами, они падали, их поднимали и снова били. <...> Мы также видели в скважину двери, когда по коридору тюрьмы немцы выводили арестованных с завязанными сзади руками металлической проволокой, садили их на грузовые крытые машины и куда-то отправляли. Некоторых заключенных, в том числе и меня, немцы вывезли из СД в концлагерь, расположенный в совхозе “Красный”, там нас использовали на черновых работах и постепенно группами вывозили и расстреливали <...>»²³.

Тюрьма в Севастополе – тюрьма СД, которая располагалась в полуразрушенном здании НКВД. Являлась местом заключения и проведения предварительного следствия. В случае установления фактов сотрудничества с партизанами или участия в подпольной деятельности, узники уничтожались или переводились для доследования в центральную тюрьму Крыма в г. Симферополь, о которой говорилось выше.

Из показаний свидетелей С. В. Арифова и У. Т. Боснаева:

«Все советские граждане, содержащиеся в тюрьмах гор. Симферополя <...> из тюрьмы выпущены не были, а за несколько дней перед отступлением немцев из города все они были расстреляны <...>»²⁴.

По мере установления оккупации на любой территории нацисты начинали уничтожение так называемых «расово неполноценных элементов», к которым, согласно их расовой теории, относились евреи и цыгане. Эти этнические группы подлежали полному уничтожению [17: 219]. В Крыму к евреям и цыганам нацисты добавили крымчаков – тюркизированных иудеев, которые проживали на полуострове начиная со Средневековья. С середины ноября 1941 года во всех городах Крыма была проведена регистрация евреев и крымчаков. С конца ноября 1941 года в Симферополе, Керчи, Евпатории, Джанкое, Феодосии и Ялте были выпущены приказы об их обязательной явке на сборные пункты. За неявку полагался расстрел. Всего на территории Крыма было открыто семь таких сборных пунктов. В Симферополе – три места сбора еврейского населения, крымчаков и цыган: в помещениях медицинского института по бульвару Ленина, по ул. Студенческой, 10 и по ул. Гоголя, 14. В Керчи, Евпатории, Джанкое и Феодосии – по одному. В Ялте появилось единственное в Крыму еврейское гетто – место принудительного содержания и одновременно временного пребывания конкретно этой этнической группы. В начале ноября 1941 года Ялта была оккупирована, а уже 5 декабря все евреи города переселились в гетто, которое было создано на территории бывших Массандровских казарм по ул. Караимской, 6 (ныне пер. Свердлова, 6).

18 декабря 1941 года всех евреев вывезли оттуда на 4-ю балку и расстреляли. По архивным данным, были уничтожены около 1,5 тыс. человек [9: 64, 67].

В целом массовые расправы над евреями, крымчаками и цыганами начались уже в конце ноября 1941 года и продолжались до августа 1942 года, в результате чего примерно из 40 тыс. евреев, 7 тыс. крымчаков и более 2 тыс. цыган, оставшихся в Крыму на момент начала оккупации, были уничтожены практически все [3: 117], [10: 287].

В сентябре 1945 года, уже после окончания оккупации Крыма, республиканская Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков выпустила итоговый доклад, где подводились итоги нацистской репрессивной политики. В частности, там указывалось, что за годы оккупации нацисты расстреляли и замучили в Крыму около 72 тыс. мирных жителей, примерно 18 тыс. убили в тюрьмах и концлагерях, уничтожили разными способами около 45 тыс. советских военнопленных, а более 85 тыс. человек сделали остарбайтерами. Таким образом, это более 219 тыс. человек, подавляющее большинство которых прошли через систему мест принудительного содержания²⁵.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно констатировать, что созданная нацистами система являлась одним из главных инструментов оккупационной политики, что позволяло немецким властям решать одновременно комплекс задач, став обязательным элементом аппарата насилия после первого этапа оккупации. Входившие в нее тюрьмы и лагеря всех типов выполняли двойную функцию. Они одновременно позволяли эксплуатировать и уничтожать гражданское население и военнопленных, бороться с подпольно-партизанским движением и служить предостережением для нелояльных, которые потенциально могли выступить против нацистского «нового порядка».

С течением времени и по мере отдаленности от событий Великой Отечественной войны эта трагедия стала предаваться забвению. Поэтому работа, начатая на современном этапе историками и архивистами по публикации ранее засекреченных документов о нацистских злодеяниях и введению их в научный оборот, важна и востребована в целях сохранения исторической памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Проект «Без срока давности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://безсрокадавности.рф/> (дата обращения 05.03.2024).
- ² Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 4. Л. 163–170.
- ³ Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 17. Л. 72–75.
- ⁴ Память... Интерактивная карта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://память.su/map> (дата обращения 19.03.2024).
- ⁵ Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 17. Л. 49; Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
- ⁶ Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 8. Л. 187–189.
- ⁷ Там же. Л. 189.
- ⁸ Там же. Л. 190.
- ⁹ Там же. Л. 192–193.
- ¹⁰ Там же. Л. 193–194.
- ¹¹ Там же. Л. 195.
- ¹² Там же. Л. 197.
- ¹³ Там же. Л. 198.
- ¹⁴ Слава труду. 2015. № 31–33. 27 марта. С. 3.
- ¹⁵ Память... Интерактивная карта...
- ¹⁶ ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 2а. Л. 1.
- ¹⁷ Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Симферополь: Доля, 2010. Т. 2. С. 369.
- ¹⁸ Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 1. Л. 50, 55; Д. 2. Л. 1–2; Д. 4. Л. 65.
- ¹⁹ Архив города Севастополя. Ф. Р-632. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.
- ²⁰ Память... Интерактивная карта...
- ²¹ ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.
- ²² Там же. Д. 65. Л. 43.
- ²³ Нацистские лагеря смерти... С. 325–326.
- ²⁴ Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 17. Л. 50.
- ²⁵ ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристов С. В. TERRA INCOGNITA: система нацистских концлагерей на оккупированной территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Яуза-каталог, 2022. 432 с.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Город Севастополь: Сб. архивных документов / Отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева. Белгород: Белгородская областная типография, 2021. 384 с.
3. Берлин Б. Г. История Крымской трагедии. К вопросу о холокосте в Крыму // Крымский архив. 2015. № 4 (19). С. 114–127.
4. Борисов В. Н. Заметки о Бахчисарае периода немецко-румынской оккупации 1941–1944 годов (первая редакция). Бахчисарай, 2019. 31 с.
5. Верешков И. Н., Романько О. В. Фонд 100 архива УФСБ по Республике Крым и г. Севастополь как источник по истории нацистской репрессивной политики на территории Крыма: обзор документов и материалов // Вестник архивистов Крыма. Симферополь: Антиква, 2022. Т. 6. С. 73–76.
6. Верешков И. Н. Расследование военных преступлений немецко-фашистских оккупантов в Крыму органами безопасности // Историческое наследие Крыма. Симферополь: Антиква, 2021. С. 13–23.
7. Кикнадзе В. Г., Романько О. В., Саенко А. С. [и др.]. Геноцид народов России. Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны. М.: Прометей, 2024. 990 с.
8. Константинов В. А., Кизилев М. Б., Бобков В. В. «Красный». История нацистского лагеря смерти. Симферополь: АРИАЛ, 2021. 412 с.
9. Круглов А. И. Хроника Холокоста в Украине. Запорожье: Премьер, 2004. 208 с.
10. Крым. Страницы истории с древнейших времен и до наших дней / Под ред. В. Н. Рудакова. М., 2019. 424 с.
11. Лагерь смерти: совхоз «Красный» / Сост. Г. Н. Гржибовская. Симферополь: Антиква, 2015. 224 с.
12. Места массовых репрессий советских граждан и военнослужащих немецко-румынскими оккупантами в 1941–1944 гг. на территории Крымского полуострова: Пояснительная записка к обзорной карте / Сост. С. Н. Ткаченко, О. Н. Шеремет, В. Н. Борисов. Симферополь, 2022. 114 с.

13. Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014. 414 с.
14. Савченко А. С. Дулаг 241 в нацистской системе «мест принудительного содержания» на территории Крыма (1941–1944 гг.) // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: к 240-летию включения Крыма в состав Российской империи: Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. С. Б. Филимонова. Симферополь, 2023. С. 94–100.
15. Ткаченко С. Н. Известные факты геноцида жителей Крымской АССР и военнопленных немецко-румынскими оккупантами // Историческое наследие Крыма. Симферополь: Антикава, 2023. С. 140–151.
16. Ткаченко С. Н., Верешков И. Н. Победа и трагедия. Освобождение Старого Крыма в апреле 1944 г.: известные факты и новейшие данные. Симферополь: Антикава, 2023. 106 с.
17. Яковлев Е. Н. Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. СПб.: Питер, 2021. 570 с.
18. Яковлев Е. Н. Нацистский геноцид народов СССР. Известные страницы. М.: ИД «Комсомольская правда», 2024. 400 с.

Поступила в редакцию 03.06.2024; принята к публикации 30.09.2024

Original article

Anastasia S. Savchenko, Postgraduate Student, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)
nastya.pecherskaya.88@mail.ru

PLACES OF FORCED DETENTION IN CRIMEA DURING THE NAZI OCCUPATION

Abstract. The article explores the system of forced detention facilities in occupied Crimea and its role within the Nazi regime from 1941 to 1944. Drawing on a wide range of literature and sources, it highlights that this subject has not yet received significant scholarly attention. The research identifies approximately 100 distinct institutions serving as places of forced detention in Crimea, which can be categorized into five main types: prisoner of war camps, prisons and concentration camps of the police apparatus, collection centers for Jewish and Romani populations, labor camps, and transit camps for civilians. Notably, prisoner of war camps constituted the largest category. Within these camps, as well as in prisons and concentration camps of the police apparatus, the occupiers executed the majority of those who fell victim to Nazi repressive policies in Crimea. Most of these forced detention sites operated under extremely harsh conditions, effectively rendering them “death camps” (as exemplified by the concentration camp at the Krasny state-owned farm). This research ultimately reveals that the Nazi system of forced detention facilities served a dual purpose in Crimea: the exploitation of Soviet citizens and prisoners of war, as well as their extermination, all part of Nazi Germany’s colonial policy.

Key words: Crimea, Nazi occupation, places of forced detention, genocide, prisoners of war, Holocaust, Ostarbeiter

For citation: Savchenko, A. S. Places of forced detention in Crimea during the Nazi occupation. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):79–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1113

REFERENCES

1. Aristov, S. V. TERRA INCOGNITA: the system of Nazi concentration camps in the occupied territory of the USSR (1941–1944). Moscow, 2022. 432 p. (In Russ.)
2. No statute of limitations: the crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. The city of Sevastopol: Collection of archival documents. (E. P. Malyshev, E. M. Tsunaeva, Eds.). Belgorod, 2021. 384 p. (In Russ.)
3. Berlin, B. G. History of the Crimean tragedy. Holocaust. *Crimean Archive*. 2015;4(19):114–127. (In Russ.)
4. Borisov, V. N. Notes on Bakhchisaray during the German-Romanian occupation of 1941–1944 (first edition). Bakhchisaray, 2019. 31 p. (In Russ.)
5. Vereshkov, I. N., Romanko, O. V. Collection 100 of the archives of the Federal Security Service Directorate for the Republic of Crimea and Sevastopol as a historical source for studying the Nazi repressive policy in the territory of Crimea: review of documents and materials. *Bulletin of Crimean archivists*. Simferopol, 2022. Vol. 6. P. 73–76. (In Russ.)

6. Vereshkov, I. N. Security agencies' investigation of war crimes committed by German fascist occupiers in Crimea. *Historical heritage of Crimea*. Simferopol, 2021. P. 13–23. (In Russ.)
7. Kiknadze, V. G., Romanko, O. V., Saenko, A. S. [et al.]. Genocide of the peoples of Russia. Crimes against Soviet civilians and prisoners of war during the Great Patriotic War. Moscow, 2024. 990 p. (In Russ.)
8. Konstantinov, V. A., Kizilov, M. B., Bobkov, V. V. Krasny. The history of the Nazi death camp. Simferopol, 2021. 412 p. (In Russ.)
9. Kruglov, A. I. The chronicle of the Holocaust in Ukraine. Zaporozhye, 2004. 208 p. (In Russ.)
10. Crimea. Pages of history from ancient times to the present day. (V. N. Rudakov, Ed.). Moscow, 2019. 424 p. (In Russ.)
11. Death camp at the Krasny state-owned farm. (G. N. Grzhibovskaya, Comp.). Simferopol, 2015. 224 p. (In Russ.)
12. Places of mass repressions of Soviet citizens and military personnel by the German-Romanian occupiers in 1941–1944 in the territory of the Crimean Peninsula: Explanatory note to the overview map. (S. N. Tkachenko, O. N. Sheremet, V. N. Borisov, Eds.). Simferopol, 2022. 114 p. (In Russ.)
13. Romanko, O. V. Crimea during the German occupation. National relations, collaboration, and the Partisan movement. 1941–1944. Moscow, 2014. 414 p. (In Russ.)
14. Savchenko, A. S. Dulag 241 in the Nazi system of “places of forced detention” in the territory of Crimea (1941–1944). *Current issues of history, historiography, and source studies of the South of Russia: celebrating the 240th anniversary of incorporating Crimea into the Russian Empire: Proceedings of the regional research conference*. (S. B. Filimonov, Ed.). Simferopol, 2023. P. 94–100. (In Russ.)
15. Tkachenko, S. N. Unknown facts about the genocide of residents of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic and prisoners of war by German-Romanian occupiers. *Historical heritage of Crimea*. Simferopol, 2023. P. 140–151. (In Russ.)
16. Tkachenko, S. N., Vereshkov, I. N. Victory and tragedy. Liberation of Stary Krym in April 1944: known facts and latest data. Simferopol, 2023. 106 p. (In Russ.)
17. Yakovlev, E. N. The war of extermination. The Third Reich and the genocide of Soviet people. St. Petersburg, 2021. 570 p. (In Russ.)
18. Yakovlev, E. N. Nazi genocide of the peoples of the USSR. Unknown pages. Moscow, 2024. 400 p. (In Russ.)

Received: 3 June 2024; accepted: 30 September 2024